

Александр Жолковский

РУССКАЯ РУЛЕТКА

В 1997 г. я неожиданно получил приглашение в Лас-Вегас -- на конференцию по русской культуре. Ко мне обратился профессор социологии Невадского Университета Лас-Вегаса (UNLV) Дмитрий Шалин – русский эмигрант, успевший когда-то поучиться в Ленинграде у Бориса Парамонова, а к этому времени давно американизировавшийся. Он был женат на американке, по-английски совершенно мог изъясняться и писал и, как оказалось, несколькими годами ранее уже организовал подобную конференцию (http://cdclv.unlv.edu/archives/first_nevada.html), быстро издал ее труды, всё по-английски, и теперь намеревался развить этот успех.

Про конференцию 1997 г. я уже вспоминал (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/12/zh2.html) – в основном о том, как я предотвратил приглашение на нее Вяч. Вс. Иванова; но она была интересна не только этим. Шалин созвал внушительную группу специалистов по России, в основном -- русских эмигрантов. «Настоящих» американцев представляла едва ли не одна Катерина Кларк, смолоду -- австралийская сталинистка, а в дальнейшем -- автор классической американской работы о соцреалистическом романе.

Я тогда пожинал плоды своей скандальной известности в роли дерзкого демифологизатора Ахматовой: моя статья о ней вышла всего лишь годом раньше (<https://dornsife.usc.edu/alik/rus/ess/aaa.html>) и оставалась сенсацией. В Лас-Вегас я поехал на машине, захватив с собой гостившего у меня Андрея Арьева -- редактора «Звезды», который и напечатал мою крамольную статью. (Я очень звал с собой Катю,¹ но она не поехала, -- мы начинали постепенно расходиться.)

От Лос-Анджелеса до Лас-Вегаса всего 4 часа езды, мы прокатились с ветерком, а первым, кого мы встретили в гостинице, был Парамонов. И первое, что он сказал, были слова, до сих пор ласкающие мой внутренний слух:

- Алик, Ваша статья об Ахматовой -- brilliant!

(С Борей мы были уже знакомы, обменивались статьями, мнениями и взаимными ссылками. Он острый мыслитель и завораживающий лектор, я очень его ценю и не могу простить себе бестактности, расстроившей наши отношения. Однажды, позвонив из Нью-Йорка, он заговорил о своих стихах, каковые как раз начал писать и хотел бы показать мне. А я, положившись на наше высокоинтеллектуальное избирательное средство, возьми и скажи: не надо.

- Почему же не надо?

- Да потому что стихи скорее всего плохие, и зачем нам портить отношения?

- Почему же непременно плохие? – настаивал Боря.

- Да потому что подавляющее большинство стихов – плохие...

И тут, вместо того чтобы оценить мою редкостную прямоту и эстетическую неподкупность, Боря обиделся, быстро попрощался и на мои последующие звонки не отвечал. А его стихи, вскоре обнаруженные мной в печати, оказались вовсе не плохими. Как сказал бы герой любимого нами обоими Зошенко, «Зря, мать честная, спорил».²)

---

¹ Катя Компанец, художница.

² Сейчас, написав это, позвонил ему, -- как выяснилось, no offence taken.

Но вернемся в Лас-Вегас. Сильнейшее впечатление от него связано у меня, как ни странно, не с конференцией (http://cdclv.unlv.edu/archives/second_nevada.html), а с, на мой взгляд, главным архитектурным чудом этого самого умышленного города в мире, -- тем, как за одним из уличных поворотов внутри отеля «The Venetian», под голубым, нарочито слегка даже облачным небом, убедительно написанным на потолке, перед вами вдруг открывается канал с настоящей водой и настоящей гондолой, на которой за настоящую, но умеренную, плату можно по-настоящему прокатиться. (Дизайн, отчасти, как я задним числом понимаю, опирающийся на то, сколь бесспорно каналы вписаны в городской интерьер реальной Венеции.)

Las Vegas, *The Venetian*. (Рекламное фото. Это все внутри здания!)

Да, так о конференции. Я приехал на нее с довольно амбициозным докладом, который посвятил не одной Ахматовой, а -- с добавлением Зощенко и Пастернака -- более общей проблеме постсоветского осмысления советских классиков-нонконформистов.³ Реакция последовала самая оживленная. Катерина Кларк заметила, что я выступил в типично советском жанре -- доноса. Соломон Волков меня одобрил и предложил чеканную формулировку: «Ахматова -- Сталин в юбке». Мариэтта Чудакова воспротивилась моему покушению на ее заповедную территорию -- «советскую литературу». Вадик Паперный, который незадолго до того признавался мне, что Ахматовой не читал, задал «культурологический» вопрос: не объясняется ли моя позиция комплексом Герострата -- желанием прославиться путем уничтожения сакральных ценностей?

(Насчет ценностей очень пронизательно, как всегда, высказалась -- за домашним столом -- Катя. Я все удивлялся, почему мои, казалось бы, самоочевидные утверждения вызывают такое страстное неприятие, причем не только на родине, но и в эмиграции, среди людей, которые вроде бы должны понимать, что почем.

- Что ж тут удивительного? Они приехали сюда со своими ценностями -- финской мебелью, медицинскими дипломами, золотыми кольцами, стихами опальной Ахматовой.

---

³ Доклад Шалин в дальнейшем опубликовал (см.: http://cdclv.unlv.edu/archives/nc2/zholkovsky_canon.html).

А ты им объясняешь, что все это неконвертируемая труха, лишенная продажной стоимости (resale value)!..)

Вопросы Чудаковой и Паперного я пообещал объединить в заключительном слове, но ей ответил, а о нем как бы забыл. В перерыве он подошел ко мне -- напомнить, что на его вопрос я не ответил. Это был момент моего маленького торжества.

- Конечно, нет. Не ответил и не собирался (От кого он ждал ответа -- от Герострата?!)

Кажется, он понял, потому что больше о Герострате я от него не слышал. Так что этот раунд я вроде бы выиграл. (Предыдущий закончился вничью: я закулисно помешал ему позвать на конференцию Иванова; Вадик узнал, что это сделал я, и, как я понимаю, сообщил ему, чем окончательно нас поссорил.)

Соломон Волков приехал в Лас-Вегас с женой Марианной, замечательным фотографом. Она взялась снимать меня и совершенно замучила, делая снимок за снимком и приговаривая, что меньше, чем о сотне пробных кадров речь у профессионалов никогда и не идет. Я протестовал, умолял отпустить меня, говорил, что сниматься не люблю, на фотографиях выхожу плохо, но ничего не помогало... Зато в конце концов получился портрет, который красуется на моем сайте (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/>), а иногда используется и в других местах -- с оптового разрешения Марианны, но при обязательном условии ссылки на нее.

Снимала же она меня, как выяснилось, не только ради собственного творческого удовольствия, но прежде всего для некоего намечавшегося альбома фотографий нашей так называемой третьей волны эмиграции. Этот альбом я потом у кого-то видел. Он назывался примерно «Сто лиц русской эмиграции», и мое в нем отсутствовало.

Ну, отсутствовало и отсутствовало, что тут скажешь? Но Марианна очень извинялась, подчеркивала, что мой портрет им дала, а почему его не включили, понятия не имеет. И в порядке утешения прислала его качественную электронную версию с правом неограниченного использования. Составителем альбома, как я потом установил, был Вадик Паперный. Опять ничья? Или 2:1 в его пользу?

Дмитрий Шалин, Александр Жолковский, Александр Эткинд, Марк Липовецкий.
Лас-Вегас, ноябрь 1997 г. Фото М. Волковой.

Посткоммунистические конференции быстро вошли в моду. Уже весной 1998-го состоялась большая такая конференция в Иерусалиме, организованная Дмитрием Сегалом (о ней я тоже писал: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/book/zvez/zv108.htm>), а в 2000-м

Шалин созвал в Лас-Вегасе свою третью, опять очень представительную (<http://cdclv.unlv.edu/archives/festivals.html>). На нее съехались не только собственно участники, но и множество их друзей, подруг и, как написал бы тот же Зощенко, родственников со стороны жены.

Там были, например, такие новые поэтические звезды, как Д. А. Пригов, Тимур Кибиров и Лев Рубинштейн, а с другой стороны, звезда постарше – Александр Кушнер. Я по-приятельски льнул к «новым» и на выступлении Кушнера, стихи которого всегда любил, попытался потянуть их за собой в первый ряд, чтобы лучше слышать и видеть. Однако они принципиально отказались и даже отсели подальше. Можно было вживе наблюдать зигзаг поэтической эволюции по Шкловскому-Тынянову.

Навсегда запомнилось выступление Леонида Пинчевского -- одного из андеграундных художников, давно перебравшихся в Штаты, а теперь приглашенных на ласвегасскую конференцию. Его участие было тем актуальнее, что стены и потолки отеля «The Venetian» в стиле венецианских мастеров выполнил именно он. Свой доклад, озаглавленный «Исповедь продажного художника», Пинчевский посвятил тому, как, в отличие от былых собратьев по контркультуре, гордо влачащих нищенскую жизнь вечных врагов истеблишмента, он занялся коммерческой отделкой домов богатых меценатов и проектами вроде «The Venetian». «Это ведь не просто деньги, это творческий вызов! Изготовить Пикассо или Кабакова – долго ли? Там ведь главное подпись. А ты вот распиши потолок так, чтобы было видно, что Веронезе!»

Доклад имел шумный успех, и Пинчевский устроил для желающих экскурсию по своим венецианским росписям.

На этот раз Катя в Лас-Вегас поехала, правда, не со мной (я был с другой дамой, молодой искусствоведкой), и тусовалась со своими приятелями по давней московской художественной богеме, в частности -- с двумя бывшими мужьями, Иосиком Бакштейном и Вадиком Паперным. В какой-то момент эта троица предложила мне сфотографироваться вместе -- с Катей, естественно, в центре. Я отказался. Выиграл ли я этот раунд, проиграл или свел вничью, долго оставалось неизвестным, пока Вадик не написал в своем эссе о конференции, что, по-видимому, с точки зрения Жолковского, для участия в подобном групповом фото надо было в свое время состоять с Катей в законном браке (<http://www.paperny.com/lasvegas/>). Снимаю шляпу, лучше не скажешь.

(Вадик вообще очень остроумный. И когда острит, делает особую гримасу, напоминающую распускание морщин Билибиным из «Войны и мира». У Билибина ли он ее позаимствовал или у собственного отца, Зиновия Паперного, знаменитого остряка, -- любопытный вопрос. Надо бы, пока не поздно, спросить.)

Так что тут я Вадику в конце концов проиграл. Зато тогда в Лас-Вегасе вскоре выиграл у Иосика – и как!

На конференцию я приехал не столько себя показать, сколько людей посмотреть. Показать же я хотел своей новой даме-искусствоведке захватывающий вид на Большой канал с гондолой, которую можно потрогать руками. Этот план удался, но, чтобы оправдать свой приезд, мне надо было сделать какой-никакой доклад, и я его сделал. Я развил ту мысль, что соцарт, вошедший в моду и богато представленный среди участников конференции, чреват эстетической, а с ней и моральной, реабилитацией сталинизма. Я, говорилось в докладе, разумеется, за свободу творчества и вообще ни на чем не настаиваю, поскольку наблюдаю за Россией издали, но все-таки закрадывается вопрос, не слишком ли успешно все эти шикарно отрефлектированные и вроде бы игрушечные Ленины и Сталины примиряют общество с проклятым прошлым?

Ответ моих московских друзей-постмодернистов был единодушно отрицательным:

- Вы, Алик, просто оторвались от российской почвы. В Вас говорят неизжитые советские страхи. Теперь все иначе. Выставки устраиваются какие угодно. Печатается все без какой-либо цензуры. Вот Тимур работает на канале «Культура» – приглашает и интервьюирует, кого хочет.

Разговор происходил уже в кулуарах, за дверьми зала заседаний, в небольшом закутке, где на импровизированных лотках были разложены книжечки тех же Кибирова, Пригова и других, продававшиеся за умеренную по американским стандартам цену. Я вяло оборонялся:

- Ну, сегодня работает, а завтра уволят, канал-то государственный...

- Да нет, Алик, Вы не понимаете, не уволят.

- Уволят, уволят, не завтра, так послезавтра. И выставки закроют.

- Да что Вы, Алик! Наоборот, вот совсем недавно [20.09.2000 – А.Ж.] Путин встретился с Солженицыным, и все хоккей!..⁴

Этого шанса я упустить не мог. Мою вежливую вялость как рукой сняло:

- Путин встретился с Солженицыным? Да, я, видно, и правда, оторвался от действительности. Ну, Солженицына-то я знаю, даже кое-что из него преподаю. А вот Путин, Путин...? Не подскажите, что он написал?

Наступила неловкая пауза. Можно было воочию видеть, как мой изысканный троп постепенно доходит до собеседников. Первым очнулся Бакштейн:

- Да, Алик, Вы правы.

... Этот раунд, да что там, весь матч, я, конечно, выиграл. Увы.

---

⁴ См. короткое видео: <https://www.youtube.com/watch?v=eotw8kUnHTM>